

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

НЕЗРИМЫЙ ГРАД «ТАЙНОЙ ГЕРМАНИИ»*

© А. В. Михайловский

Михайловский
Александр Владиславович
доцент кафедры истории
философии факультета
философии
Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»
(г. Москва)
amichailowski@hse.ru

14 ноября 1933 г. немецкий историк-медиевист еврейского происхождения Эрнст Канторович выступил с инаугурационной лекцией в Университете им. И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне. Лекция носила название «Тайная Германия» (*Das geheime Deutschland*). Она стала одним из последних публичных выступлений историка перед эмиграцией в Соединенные Штаты Америки. Канторович обращается к концепции, получившей распространение в круге немецкого поэта-символиста Штефана Георге (т. наз. *George-Kreis*), к молодому поколению которого принадлежал историк. В статье показана связь концепции «тайной Германии» с политико-теологическими идеями круга Георге — духовного оживления нации, «грядущей империи» во главе с харизматичным вождем, антибуржуазного воспитания юношества на героическом примере великих средневековых монархов — идеями, которые оказали судьбоносное влияние на немецкую интеллектуальную историю первой половины XX века.

Ключевые слова: Эрнст Канторович, круг Георге, «тайная Германия», политическая теология, консервативная революция.

В мае 1924 года в ходе празднования 700-летия Неаполитанского университета чья-то рука возложила на саркофаг его основателя императора Фридриха II в соборе города Палермо золотой лавровый венок с надписью на ленте «Своим кайзерам и героям — тайная Германия». Спустя несколько лет один молодой немецкий

---

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0174, реализованного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

фронтовик и националистический публицист увидел в этой фразе послание к лучшей части юношества, призыв обеспечить присутствие Германии, стесненной тяжкими мирными договорами, в пространстве завтрашнего дня. Вся нация должна была встать на крыло, вдохновляемая мечтой своих отцов о древних замках великих Штауфенов, отражавшихся в морях Южной Италии и Сицилии. «В этих немногих словах скрывается особая магия, и не было тогда человека, который бы не почувствовал, что, несмотря на все несоответствие людей и событий, именно эта тайная Германия, именно этот незримый, питаемый чистым источником веры корень будущего, не позволит пропасть ни одной сделанной работе, ни одному усилию. Война была не напрасна, не будет напрасен и мирный труд, которым отмечено наше время»¹.

Вечером 20 июля 1944 г. Клаус Шенк граф фон Штауффенберг был расстрелян вместе с другими заговорщиками во дворе штаба резерва сухопутных войск на Бендлерштрассе в Берлине. Перед смертью полковник успел, по одной из версий, крикнуть: «Да здравствует тайная Германия!». Клаус фон Штауффенберг надеялся избавить Германию от полного разрушения, не рассчитывая на сепаратный мир с союзниками. Свое покушение на Гитлера он рассматривал, прежде всего, как доказательство моральной безупречности занимавшей его помыслы «тайной Германии».

Что общего между двумя этими символическими событиями, ставшими широко известными за пределами узкого круга посвященных? Торжественный акт возложения венка на гробницу императора Фридриха II и священную формулу в устах фон Штауффенберга связывает одно — принадлежность к эзотерическому кругу Штефана Георге. «Тайная Германия» по-прежнему остается terra incognita германской интеллектуальной истории. Хорошо известно, что она восходит к предыстории так называемой консервативной революции в Германии и служит неоспоримым доказательством тесной связи между Соппротивлением и интеллектуальным арсеналом «реакционного модернизма». Братья фон Штауффенберг, Бертольд и Клаус, фактически стали душеприказчиками Штефана Георге (Мастера) после его смерти в швейцарском местечке Минусио близ Локарно в 1933 г. Торжественное же мероприятие в Палермо организовал историк и поэт Фридрих Вольтерс, «апостол Павел», разработавший идеологию круга Георге и ставший его администратором еще до Первой мировой войны. «Тайная Германия» была их общим символом веры.

Круг Георге (George-Kreis) — один из наиболее ярких феноменов в интеллектуальной истории Германии начала XX века, чрезвычайно влиятельное сообщество последователей и учеников, сформировавшееся на рубеже веков вокруг немецкого поэта-постсимволиста Штефана (или, в традиционной русской транскрипции, Стефана) Георге. Круг Георге являлся не только и не столько поэтическим объединением эпигонов вокруг фигуры Мастера, сколько идеологически интегрированной интеллектуальной группой, включавшей в себя как университетских преподавателей, так и внеакадемических «свободных писателей»

---

¹ Юнгер Э. Предисловие к сборнику «Авиации быть!» // Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933 / Э. Юнгер ; пер. с нем., сост., коммент. и послесл. А. Михайловского. М. : Скимень, 2008. С. 150.

и, начиная примерно с 1910 г., претендовавшей на переформатирование политики эстетическими средствами. О глубоком и всестороннем влиянии круга Георге на формирование интеллектуальной атмосферы Веймарской Германии говорят как минимум два факта. Во-первых, концепты «рейха» (Reich), «союза» (Bund), «господства» и «служения» (Herrschaft und Dienst) и, не в последнюю очередь, «тайной Германии» («das geheime Deutschland»), разработанные внутри круга, прочно вошли в лексикон право-консервативной мысли. Во-вторых, произошла поэтизация и мессианизация понятия «политическое», нашедшая, в частности, выражение в широко распространенных после Первой мировой войны чаяниях «грядущего рейха», пришествии харизматического «вождя», а также в новых способах социальной организации внепарламентской антилиберальной оппозиции Германии 1920–30-х гг.²

Особую роль в послевоенных идеологических процессах в Германии сыграло «воображаемое средневековье», которое, по словам немецкого историка О. Г. Эклэ, «осмысливалось в его соотношении с современностью». Речь шла не просто о возвеличивании Империи и корпоративно-сословного общественного порядка, но «о принципиальной оценке современного мира, которому выносился позорный приговор с позиций Средневековья»³. Вместе с тем следует отметить, что подобная актуализация символического средневековья носила ярко выраженные модернистские черты, отличавшие молодую герман-скую контрреволюцию от буржуазной по своему духу вильгельмовской эпохи. Вместо приверженности просвещенческим принципам индивидуализма и либерализма утверждалась необходимость отказа от «я», абсолютного повиновения приказу и нерушимой преданности. В условиях кризиса легитимности власти призыв правых интеллектуалов к обновлению рейха отвечал всеобщему требованию легитимации в ситуации ее отсутствия, в условиях дискредитации легальных демократических институтов.

14 ноября 1933 г. немецкий историк-медиевист еврейского происхождения Эрнст Канторович выступил с инаугурационной лекцией в Университете им. Гёте во Франкфурте-на-Майне. Она носила название «Тайная Германия». Это была вторая инаугурационная лекция молодого профессора после временного приостановления преподавательской деятельности ввиду национал-социалистического закона о «чиновниках неарийского происхождения». По иронии судьбы эта лекция стала одним из его последних публичных выступлений в Германии. В 1934 г. он был уволен на пенсию, поскольку принципиально отказался присягать новым властям. В 1938 г. Канторович эмигрировал — сначала в Англию (Оксфорд), а оттуда в Соединенные Штаты Америки (Беркли, затем Принстон). Подобно братьям фон Штауффенберг, он принадлежал к молодой генерации последователей Штефана Георге.

---

² Более подробно о круге Георге см.: *Михайловский А.В.* Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // Вопросы философии. 2013. № 5.

³ *Эклэ О. Г.* Немцы не в ладу с современностью. «Император Фридрих II» Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1996. С. 218, 220.

В конце года он написал письмо Мастеру с просьбой дать ему согласие выпустить текст «Тайной Германии» в издательстве «Бонди» (домашнем издательстве круга) под маркой журнала «Листки искусства» («Blätter für die Kunst») с символом свастики⁴. Георге умер 4 декабря 1933 г. Текст Франкфуртской лекции был опубликован только спустя шесть десятилетий его принстонским учеником Робертом Л. Бенсоном⁵ и читается сейчас как аутентичный документ Сопrotивления в георгеанском духе. Ведь сам Георге был решительным противником нарождавшегося фашизма и мыслил свой «Новый Рейх» в радикальной противоположности политической реальности Третьего Рейха.

Профессор, говорит Канторович, должен соответствовать изначальному смыслу самого слова и иметь смелость в решающий час стать исповедником. Свое credo «немецкий еврей национальных убеждений» сформулировал так: «Ясность и непоколебимая вера в бессмертие этой страны и обетования ее будущего»⁶. Лекция состоит из шести частей. Первая посвящена истории понятия «Тайная Германия». Канторович отмечает, что это понятие впервые встречается у Пауля де Лагарда и Юлиуса Лангбена — первых представителей немецкой критики культуры (Kulturkritik) в конце XIX века и предтеч «консервативной революции». Гёттингенский теолог Пауль де Лагард выпустил книгу «Немецкие записки» (1878), где выступил со страстной критикой современности и предложил идею новой, национальной религии немцев. А Юлиус Лангбен в монографии «Рембрандт как воспитатель» (1890) короновал Рембрандта, Бетховена и Гёте как «истинных кайзеров тайной Германии». Настоящим знаменем круга Георге «тайная Германия» стала, однако, после публикации первого тома «Ежегодника духовного движения»⁷. Писатель и переводчик Карл Вольфскель, в чьем доме в богемном мюнхенском квартале Швабинг собирались георгеанцы, назвал «тайной Германией» «носителей германских, еще дремлющих сил, в коих прообразовалось и уже воплотилось будущее возвышенное бытие нации». Вольфскель обращался к представителям «неизменной, вечно тождественной себе силы, которая подобно подземному потоку скрыта под видимой Германией и может быть постигнута не иначе как через образы»⁸.

---

⁴ См.: Raulff U. Kreis ohne Meister. Stefan Georges Nachleben. München, 2009. S. 158.

⁵ Kantorowicz E. Das Geheime Deutschland. Vorlesung, gehalten bei der Wiederaufnahme der Lehrtätigkeit am 14. November 1933 // Benson Robert L., Fried Johannes. Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Princeton/Frankfurt. Stuttgart, 1997. S. 77—93.

⁶ Ibid. S. 77—78.

⁷ Jahrbuch für die geistige Bewegung I (1910). S. 1—18.

⁸ Историк и переводчик Вальтер Тритч, ученик Фридриха Вольтерса, дает такое толкование ключевого слова «geheim»: «Тайный/секретный — двусмысленное, двоящееся слово. С одной стороны, оно несет в себе привкус чего-то пустопорожного, размытого, романтического, а порой и чего-то безответственного; с другой, оно означает что-то глубокое, неуловимое, подлинное. В любом случае, что-то непостижимое, если оно, конечно, не предполагает какого-то сенсационного разоблачения...» И далее он переходит к апологии: «Она [тайная Германия] уже зримо присутствует среди нас в своих деяниях, без всякого тщеславия и романтики несет за них ответственность». Из источника «тайной Германии» бьет живой творческий поток, который невозможно остановить и выразить в понятиях (Tritsch W. Das geheime Deutschland: [Ein Bekenntnis zu Wolters] // Deutsche Rundschau, 57. 1930. S. 68). Тайная Германия — это «зримые носители незримой империи» (ibid., 70).

Вера в «тайную Германию» связана с верой в нацию и ее блестящее будущее⁹. Канторович на всем протяжении лекции цитирует Георге, сознательно игнорируя различие между понятийным академическим дискурсом и образным поэтическим словом. Основой служит для него стихотворение «Тайная Германия» (*Geheimes Deutschland*) из последнего стихотворного сборника Георге 1928 г., в котором поэт «создал мистерию другого рейха». Заключительные суггестивные строфы стихотворения звучат так:

Nur was im schützenden schlaf
Wo noch kein taster es spürt
Lang in tiefinnerstem schacht
Weihlicher erde noch ruht –
Wunder undeutbar für heut
Geschick wird des kommenden tages¹⁰.

Здесь Поэт описывает свое пророческое видение, призывая оставить тщету текущих политических дел и пожухшие, как осенняя листва, ценности: «Лишь скрытое под хранящим покровом сна, во глубине гор, во чреве священной Матери-Земли — то, что кажется непостижимым чудом людям сегодняшнего дня, станет судьбой дня грядущего».

В конце первого раздела лекции Канторович проводит различие между узким и широким смыслом «тайной Германии». В первом случае имеется в виду та общность, в которой живет поэт, — круг друзей, «государство» Мастера. Во втором случае — открытая через жизнь и творчество поэта общность великих личностей германской истории, в просопографию которой сам Канторович внес немалый вклад своей культурно-эстетической биографией Фридриха II Штауфена¹¹.

В лекции Канторовича незримый град «тайной Германии» впервые стал явью: неслучайно Вальтер Беньямин, испытавший большое влияние круга, писал в 1936 г. в предисловии к собранию писем «Германские люди», что «тайная Германия» действительно существует¹².

Итак, «тайная Германия» в интерпретации Канторовича — это 1) живая духовная общность (*Gemeinschaft*), 2) персонифицированная/воплощенная в отдельных гениальных и аристократических личностях — лучших силах нации, 3) потаенно присутствующая в настоящем и 4) символически прообразующая будущее Германии.

Уже с первых строк второго раздела лекции становится ясным политико-теологический смысл разрабатываемого Канторовичем концепта. «Тайная Германия» — не утопия. Она подобна Страшному суду и воскресению мертвых — событиям, непосредственно задевающим нас, потому что всегда

«Они несут тайну — не как катакомбная секта или движение, но как исток подлинной творческой жизни, невыразимый ни в каких рецептах, ни в программах. Люди этой тайной Германии не ждут, когда пробьет их великий час, потому что их великий час уже пробил» (*ibid.*, 71).

⁹ *Kantorowicz E. Das Geheime Deutschland. S. 79.*

¹⁰ *George S. Das Neue Reich. Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 9. Berlin, 1928. S. 65.*

¹¹ *Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927.*

¹² *Benjamin W. Gesammelte Schriften, Bd. 4.2: Kleine Prosa. Frankfurt a. M., 1972. S. 945.*

уже свершившимся¹³. Эсхатологическо-сотериологический привкус идеи «тайной Германии» придают и такие альтернативные именования, как «das heilige Deutschland» («священная Германия»), «das andere Deutschland» («другая Германия», т. е. «не от мира сего»), «das ewige Deutschland» («вечная Германия»). Здесь сама собой напрашивается параллель с августинианской *civitas Dei*, градом Божиим, Церковью как телом Христовым и сообществом праведников, которое временно живет в «граде земном», но не смешивается с ним.

«Это тайная Германия поэтов и мудрецов, героев и святых, жертвователей и жертв, которых произвела Германия и которые принесли себя Германии. Германия тех, кто — хотя и кажется нам странным и чужим — все же создал подлинное лицо Германии. Это общность, подобная божественному царству Олимпа, это духовный сонм, подобный средневековому сонму святых и ангелов, это царство людей, подобное тому потустороннему миру, разделенному Данте на три обители и названному им „Humana civilitas“... это иерархически упорядоченный мир героев нынешней, грядущей и вечной Германии. О „тайной Германии“ можно поэтому сказать то же самое, что о всех мистериях: [...] ταῦτα δὲ ἐγένετο μὲν οὐδέποτε ἔστι δὲ αἰεὶ¹⁴ [...]». И далее: «Это Царство от сего и в то же время не от сего мира... царство присутствующее и отсутствующее (*zugleich da und nicht da*). Царство мертвых и живых, оно меняется и все же пребывает вечным и бессмертным [...]»¹⁵.

В приводимом историком ряде сравнений прослеживается не только совершенно очевидная отсылка к средневековому иерархическому мышлению, но и восходящее к самому Георге намерение духовно-политического синтеза, который заключался в том, чтобы объединить Элладу и Кифхойзер, античность и миф о германских кайзерах. «Тайная Германия» — это «другая Германия», «империя душ, в которой присно господствуют и восседают на троне одни и те же кайзеры подлинно германского ранга и характера, под чьим скипетром еще ни разу не склонялась в глубочайшем почтении вся нация, но чье господство все же вечно и глубоко скрыто (*tiefste Verborgenheit*) от всего внешнего, но живет для вечной Германии»¹⁶.

О «германской иерархии» говорится в третьем параграфе лекции. «В начале истории почти всех западных государств стоит святой король как национальный святой и *heros eronomos* [...]. Но лишь Германия представляет собой исключение: Средневековье не оставило немцам подлинно национального сонма святых»¹⁷. И вот Канторович утверждает: «В ряду мифических государств-политий — греческого мира богов, *civitas Dei*, *humana civilitas* — встраивается и „тайная Германия“ [...] как последнее звено». «Но не христианское мышление задавало масштаб ценностей в „тайной Германии“, не единая культура универсального человеческого общества, но „тайный Рейх“, который, как

¹³ *Kantorowicz E.* Das Geheime Deutschland. S. 80.

¹⁴ Канторович приводит цитату из Саллюстия (*Sallustius, De dis et mundo 4.9*): «этого никогда не было, никогда не происходило, но оно *есть* всегда».

¹⁵ *Kantorowicz E.* Das Geheime Deutschland. S. 80–81.

¹⁶ *Ibid.* S. 80.

¹⁷ *Ibid.* S. 82.

научил видеть Георге, ограничивается германским пространством, в котором он коренится и который он должен формировать, — безразлично, насколько далеко за пределами узких границ простирается влияние поэта, вовлекая в свой круг и онемечивая бессмертные гении других рас и эпох — германские в своем существе»¹⁸. Как в свое время Эллада на очень тесном пространстве, так и Германия породит однажды на своем пространстве «всю совокупность прачеловеческих сил и гешталтов».

Утверждая возможность «макро-антропоса германского чекана», в котором «римский и эллинский, итальянский и английский элементы» представлены не как нечто чуждое и чужеродное, но как «изначально человеческие данности глубинной „тайной Германии“»¹⁹, Канторович имеет в виду тринадцатый век, «самый римский век немцев», когда германские силы включали в себя все главные европейские добродетели, не жертвуя тем лучшим, что было свойственно им от природы.

В четвертой, центральной и самой объемной части Канторович перекидывает мост от Средних веков к современности. Несмотря на то, что Оттоны, салические кайзеры и Штауфены не вписываются в бюргерский стереотип, более того, кажутся не просто чем-то «другим», но даже чуждым и ненемецким, именно они образуют костяк «тайной Германии»²⁰. В «тайной Германии» бьется сердце нации. Указывая на фигуры Винкельмана, Гёльдерлина, Ницше и Георге, он подчеркивает «таинственную связь немца с Элладой»²¹. Однако это «тайное кровное родство между Элладой и Германией» опять-таки не является природным фактом: его нужно *актуализовать* в духе. Здесь, как и в других местах, Канторович опирается на разработанное в круге отношение между «кровью», т. е. этнической данностью, и «духом», т. е. культурной общностью. «Дух» имеет очевидный приоритет перед «кровью», одна «кровь» без «духа» беспомощна, но и дух без крови не может привести к спасению²². Весьма вероятно, что на слуху у Канторовича был знаменитый пассаж на первых страницах книги Фридриха Вольтерса «Господство и служение». Создавая своего рода «меморандум» круга, Вольтерс писал: «Подобно тому, как над кровным родством и смешением крови (Blutvermischung) стоит родство духовное и смешение духа (Geistvermischung), история коих дотоле не будет

---

¹⁸ Ibid. S. 83.

¹⁹ Ibid. S. 84.

²⁰ Автор ссылается на Фридриха Ницше, одного из главных патронов круга: «Gut deutsch sein heisst sich entdeutschen», «Быть хорошим немцем означает: разнемечить себя» («Человеческое, слишком человеческое», афоризм 323).

²¹ Kantorowicz E. Das Geheime Deutschland. S. 88.

²² Георгеанское различие между «кровью» и «духом» лишь отчасти может быть понято по аналогии с различием между «этнической» и «расовой», с одной стороны, и «культурной общностью», с другой. Применительно к эзотерической общности, каковой являлся круг Георге, и ввиду того, что среди членов круга были не только немцы, но и евреи (например, Эдит Ландманн или сам Канторович), скорее уместно вспомнить об интеллектуальном сообществе, выстроенном по модели платоновского «Пира» и объединенном идеей — предметом общего эротического влечения. В этом смысле идея сохраняет преимущество перед кровью, но должна быть *воплощена* в самой жизни круга.

написана, доколе люди будут мнить себя видящими суть всемирной истории за грубыми очертаниями внешних явлений и, вместо того чтобы, внутренним оком и внутренним чувством следуя формам, пробиваться к самому ее средоточию, будут с лупой и циркулем вычислять характер трудов и деяний на основе случайных вещественных деталей и обстоятельств, так и над империями с их расовыми и хозяйственными границами высится в свободном пространстве самосозидаемой атмосферы не ведающая ни гор, ни таможен ИМПЕРИЯ ДУХА»²³.

Но вернемся к противопоставлению «типично немецкого» и «тайной Германии». По мысли Канторовича, намеренно дистанцирующей от популярной культурологии Освальда Шпенглера, фаустовское начало — скорее антипод «тайной Германии»²⁴. В пятой и последней, шестой части лекции «макро-антропос германского чекана» обретает эстетическую конкретизацию. «Вечно-германский стиль» воплощен в скульптурах Бамбергского собора: в изображениях рыцарей, князей и епископов взору немецкого человека открывается «единство одухотворенности и храбрости»²⁵. В «тайной Германии», где наряду с героями восседают на троне мудрецы и поэты, скрыт воспитательный потенциал для немецкой молодежи. Возвращенная на идеале «новой калокагатии», она сможет стать творческой силой в своем народе и в своем государстве²⁶.

В самом конце лекции Канторович считает необходимым сделать полемический выпад против Макса Вебера, сторонника чистого академизма в историческом познании и яростного противника эстетизации политики в георгеанском духе. В пику Веберу, считавшему, что наука и, в частности, история не может обосновывать ценности и служить таким образом руководством к правильной деятельности, Канторович снова провозглашает свое кредо: «Никто не может быть немцем и историком, если он не ведает о „тайной Германии“». Лишь на почве «тайной Германии» «история обретает жизнь и правильное отношение к настоящему». Только так тайная Германия и зримый Рейх станут одним²⁷. Штауфены возвысили тайную Германию («римскую Германию») до официальной Германии, и теперь она ждет в глубинах гор своего часа, чтобы воскреснуть и освободить немецкий народ. А пока скрытые силы «тайной Германии» адресуют своему врагу — как внутри, так и извне — клич:

Hemmt uns! untilgbar ist das wort das blüht.
Hört uns! nehmt an! trotz eurer gunst: es blüht –
Übt an uns mord und reicher blüht was blüht!²⁸

---

²³ *Wolters F.* Herrschaft und Dienst. Berlin: Einhorn-Press, 1909; второе издание – Bondi, 1920. S.7. Рус. пер.: *Вольтерс Ф.* Господство и служение / пер. с нем. А. В. Михайловского // Вопросы философии. № 5. 2013. С. 164.

²⁴ *Kantorowicz E.* Das Geheime Deutschland. S. 89.

²⁵ *Ibid.* S. 91.

²⁶ *Ibid.* S. 92.

²⁷ *Ibid.* S. 93.

²⁸ *George S.* Der Stern des Bundes (1917). Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 8. 2. Auflage. Berlin, 1934. S. 94.

Сдержите нас! неискоренимо слово цветущее.
Послушайте нас! пусть неблагосклонно, примите! оно цветет —
Убейте нас и еще пышнее расцветет то, что цветет!

В своей знаменитой монографии о кайзере Фридрихе Втором, вышедшей в 1927 г. с благословения Георге²⁹, Канторович представлял своего Фридриха как основателя «первой абсолютной монархии Западной Европы», восстановивший представление о святости императорской власти, получаемой непосредственно от Бога, после возложения себе на главу короны Иерусалимского королевства в Храме Гроба Господня. Но не в силу своих политических успехов Фридрих стал обетованным кайзером немцев, но в силу того, что представлял немецкий гений и стал воплощением имперской мечты. В первой половине XIII в. немец, шваб, впервые чувствовал себя на просторах римской империи как у себя дома. Он воплощал собой новый германский тип: «свободный, непринужденный, средиземноморский». Тот самый тип «римско-античного немца», явленный в скульптурах Бамбергского собора. Всякий, кто видел Бамбергского всадника, тот ни на мгновение не усомнится в том, «что тот прекрасный и по-рыцарски благородный человеческий тип действительно жил в Германии», утверждает Канторович. Бамберг — «истинная национальная святыня немцев»³⁰.

Символично, что с Бамбергом были связаны главные события в жизни Клауса фон Штауффенберга. На памятной табличке в Бамбергском соборе его имя стоит последним в списке бамбергских всадников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вольтерс, Ф.* Господство и служение / пер. с нем. А. В. Михайловского // Вопросы философии. — 2013. — № 5. — С. 164–167.

2. *Георге, С.* Седьмое кольцо. Избранные книги / пер. с нем. В. Летучего. — М. : Водолей, 2009.

---

²⁹ *Karlauf Th.* Stefan George. Die Entdeckung des Charisma. München, 2007. S. 551.

³⁰ Последние слова процитированы из радиовыступления Канторовича 1935 г. на сходную тему (см.: *Karlauf Th.* Stefan George. S. 562). Очевидно, Канторович вдохновляется видением Мастера из книги стихов «Седьмое кольцо» (табличка «Бамберг»: *George S.* Der siebente Ring (1907). Zweite Ausgabe. Berlin, 1909. S. 205):

Du Fremdster brichst doch als echter spross
Zur guten kehr aus deines volkes flanke.

О! Самый Чуждый — и родней родня —
Ты с разворота вырвался на фланг
Ты знак собора: высишься с коня
Суров и горд, как царствующий Франк!

Ты в женской части замка воплощён —
Ни Вельф ни Вайблинг — в камне молчаливом:
Усталый мастер в думы погружён,
Взывая к небесам с немым призывом.

(Рус. пер.: *Георге С.* Седьмое кольцо. Избранные книги / пер. с нем. В. Летучего. М. : Водолей, 2009. С. 295–296).

3. Михайловский, А. В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // Вопросы философии. — 2013. — № 5. — С. 149–160.
4. Эксле, О. Г. Немцы не в ладу с современностью. «Император Фридрих II» Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики // Одиссей. Человек в истории. — М., 1996. — С. 213–235.
5. Юнгер, Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933 / пер. с нем., сост., коммент. и послесл. Александра Михайловского. — М.: Скимень, 2008.
6. George, S. Der siebente Ring (1907). Zweite Ausgabe. Berlin, 1909.
7. George, S. (1928): Das Neue Reich (1928). Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 9. Berlin.
8. George, S. Der Stern des Bundes (1917). Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 8. 2. Auflage. Berlin, 1934.
9. Grünwald, E. «Übt an uns mord und reicher blüht was blüht!», in: Benson R.L., Fried J. (Hg.): Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Princeton/Frankfurt. Stuttgart, 1997. S. 57–76.
10. Karlauf, Th. Stefan George. Die Entdeckung des Charisma. München, 2007.
11. Kantorowicz, E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927.
12. Kantorowicz, E. «Das Geheime Deutschland. Vorlesung, gehalten bei der Wiederaufnahme der Lehrtätigkeit am 14. November 1933», in: Benson Robert L., Fried Johannes (Hg.): Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Princeton/Frankfurt. Stuttgart, 1997. S. 77–93.
13. Norton, R. E. Secret Germany. Stefan George and his Circle. Ithaca, 2002.
14. Raulff, U. Kreis ohne Meister. Stefan Georges Nachleben. München, 2009.
15. Schreiner, K. Die Staufer in Sage, Legende und Prophetie, in: Die Zeit der Staufer. Geschichte — Kunst — Kultur. Bd. 3. Stuttgart, 1977. S. 249–262.
16. Stürner, W. Staufisches Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze zur Herrschaftspraxis und Persönlichkeit Friedrichs II. Hrsg. von Folker Reichert. Köln, Weimar, Wien, 2012.
17. Tritsch, W. (1930): «Das geheime Deutschland: [Ein Bekenntnis zu Wolters]», in: Deutsche Rundschau, 57. S. 68—72.